

Григорий Нарек

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ В КРАСНОЙ ЗОНЕ

Заметки врача

Издательство «Олимп-Бизнес»
Москва, 2020

Оглавление

Предисловие	9
1. Начало	11
2. Акела	12
3. Цезарь	15
4. Андреа	18
5. Зубная фея.	22
6. Сандро	25
7. Прелюдия	28
8. Средневековье	32
9. Началось	34
10. Король Артур	38
11. Приглашение	41
12. Первый день.	43
13. Первый опыт отдыха	45
14. Отдых, уже всерьез.	48
15. Привыкаю	50
16. Война план покажет	54
17. Николетта	57
18. Татуировка	60
19. Партия с интересным эндшпилем.	63

20. Он вернулся	68
21. Ура!	74
22. Весенние голоса	75
23. Малика	79
24. Тик-так... тик-так...	82
25. Король вернулся	89
26. Дорога домой	90
27. Пчела	92
28. Мать	97
29. День сурка	102
30. Петля	106
31. Последний дар	107
32. Туннель.	110
33. Весы.	114
34. Разочек	117
35. Финал.	119
Послесловие	122

1. Начало

Самое плохое, как и самое хорошее, случается неожиданно. Поначалу страшным новостям из Китая никто не придал большого значения. Китай далеко, а смерть — то, что случается с другими. Как сказала сенсей, обучавшая меня судебной медицине, «пока я дышу — я бессмертен». Когда же мы поняли, что и нам в ближайшие дни предстоит сражаться с невидимым врагом, то изрядно растерялись.

Сам я — рентгенхирург и во время учебы не имел возможности посещать лекции и занятия цикла по инфекционным болезням. Но, как показал опыт последних месяцев, преподаватели этого цикла знают о новом вирусе немногим больше моего. В том-то и беда: знаний о вирусе COVID-19 мало, а лечить его надо.

2. Акела

Мой шеф и учитель Бенедетто Аллини — очень сильный человек. Не только физически.

В тот день он вызвал нас с Сандро и спросил:

— Вы согласны работать?

— А есть выбор?

— Есть.

Выбором мы не воспользовались: дали согласие и двинулись к выходу.

— Подождите, — остановил нас шеф. — Спасибо вам, но знайте: я вас отдаю в другую стаю, а потом, когда всё кончится, жду обратно.

И мы стали морально готовиться к тому, что нас вызовут для создания красной зоны — изолированного отделения клиники, в котором содержатся больные, зараженные особо опасными инфекциями.

Между собой мы часто называем шефа Акелой, по имени вожака волчьей стаи из киплингвской «Книги джунглей». В отличие от большинства других боссов он не сидит в своем кабинете, указывая сотрудникам, куда идти и что делать, а всегда находится на передовой,

подавая пример остальным. Настоящий вожак стаи, ответственный и благородный.

И вот сейчас Акела на время распустил свою стаю, оставшись в одиночестве. Он должен был добыть для врачей и медицинского персонала средства защиты. Все клиники Италии именно теперь старались закупить как можно больше средств защиты, и наша тоже. Входить в красную зону незащищенным — то же самое, что отправиться в горящее здание без противогаза и в одних плавках. Вход в зону и выход из нее подчинены строгим правилам. По территории клиники нужно проследовать до помещения, где все сотрудники снимают повседневную одежду и оставляют ее там вместе с вещами, что обычно носят с собой. Далее они переходят в так называемый шлюз, где надевают хирургический халат, маску, похожую на водолазный шлем, респиратор с высоким (99%) уровнем фильтрации, две пары хирургических перчаток и защитный комбинезон, полностью ограждающий человека от внешнего мира. Вся эта процедура занимает полчаса. При выходе из зоны нужно снимать средства защиты в обратном порядке, постоянно обрабатывая руки антисептиком, после чего тщательно вымыться в душе.

Итоги дня:

Во-первых, наша широко известная клиника закрывается и перепрофилируется. Во-вторых, мы с Сандро только что дали согласие работать в красной зоне. В-третьих, мы никогда там не работали, не умеем

работать и не видели, как работают другие, — мы ведь хирурги. В этом ирония ситуации.

И наконец: все парикмахерские в нашем городе уже закрыты, а моя «стрижка» уже давно за гранью приличия. Сейчас главный вопрос: где всё-таки привести себя в божеский вид и купить бутылку кьянти?

3. Цезарь

Спустя пару дней нас пригласили на большое совещание у директора клиники, где были оглашены планы борьбы с эпидемией. Желаящие могли высказаться, но сначала нам предстояло выслушать директора Анджело Ревини. Директора я считаю настоящим мужчиной, старшим товарищем, хирургом (именно в такой последовательности). Почему? Этот человек, известный на всю страну, мог бы шествовать по коридорам клиники величественно и отрешенно, подобно римскому императору. Но Анджело, встречая любого врача, даже недавно у нас работающего, всегда здоровается первым и протягивает руку. Двери его кабинета открыты для всех, кто нуждается в помощи или совете.

Помню, однажды вечером я отвел сына в школу единоборств и смотрел, как он тренируется на ринге. Позвонили из клиники, спросили, не могу ли я приехать. Сына нельзя было оставить — пришлось просить дежурного врача поискать кого-нибудь другого. Прошло двадцать минут, и на экране смартфона высветилось «Директор»:

— Добрый вечер, дорогой. Мне нужна твоя помощь.

Интересно, подумал я, что мешает ему просто велеть мне мчаться со всех ног в клинику?

— Чем могу быть полезен? — ответил я, одновременно отправляя жене СМС с просьбой приехать и заметить меня.

— У больного проблемы после операции, реаниматологи не исключают инфаркт. Посмотри, чем можно помочь. А помочь надо.

— Скоро буду.

— Извини, что пришлось потревожить.

Тут важно еще и то, что большинство директоров на месте Анджело уехали бы домой и там ждали результата. Каково же было мое удивление, когда я увидел его в клинике! До конца совместной операции, завершившейся около полуночи, он находился там с хирургами, медсестрами и молодыми ординаторами. Просто за компанию.

Еще один случай: я оперировал добрую знакомую Анджело, и в конечной фазе операции у нее возникли проблемы. В тот момент я подумал, что моей карьере конец. Но Анджело, остававшийся рядом со мной до часа ночи, просто ждал, пока ситуация выправится. Потом пожал мне руку и сказал, чтобы я отправлялся спать.

Надеюсь, понятно, почему я начал с того, что Анджело — настоящий мужчина и старший товарищ. О том, что он прекрасный хирург, и говорить излишне.

Вернемся к собранию. Директор начал так:

— Дорогие коллеги, для меня самое важное — безопасность сотрудников. Никто не бросит вас в бой без

адекватной защиты. (Как потом оказалось, он сдержал слово.) Но не менее важно наше участие в общей миссии. Когда начинается война, все молятся на воинов. Сейчас началась война против невидимого врага, который сжигает людей изнутри. И все молятся на врачей. Нужна ваша помощь. Есть вопросы?

Все молчали.

Директор привел зловещие сведения о заболевших и умерших — у нас в стране, у соседей, в мире. И продолжил:

— Если кто-то захочет уйти — я не осужу. Это ваше право. И позже, когда эпидемия кончится, осуждать не буду. Но если можете, помогите.

Воцарилась глубокая тишина.

— С одной оговоркой: те, кто в одиночку воспитывает детей, те, кто старше 65 лет, и те, кто имеет хронические заболевания, в этой войне участвовать не будут.

В голосе директора слышались и грусть, и некоторая боязнь за коллег, и решимость защищать свой «Рим». В эту минуту мы чувствовали, что в каком-то — очень важном — отношении он всё-таки Цезарь. И нужно идти за ним.

В дальнейшем мы провели целую серию таких же, иногда очень долгих, совещаний, собраний с участием всех специалистов клиники. Подготовить клинику к приему людей, больных новоявленной чумой, было очень непросто.

4. Андреа

Андреа Чубелли — один из самых искусных и опытных сосудистых хирургов нашей клиники. Мы с ним тесно контактировали профессионально, совместно оперировали многих сосудистых больных. Иногда встречались на конференциях, где читали доклады и лекции. Два раза в неделю проводили консилиум, решая, как лечить новых больных, поступивших в клинику. Эту форму сотрудничества мы называли «сердечная команда». Обсуждение лечения больных специалистами разного профиля становится в последнее время модным методом. Но других «общих интересов» у нас не было... Не было раньше. Теперь, когда клинику решили перепрофилировать, врачей распределили по-новому. И мы с Сандро оказались под началом Андреа.

Большинство хирургов из его отделения по разным причинам не могли нам помочь. У кого-то обнаружили хронические заболевания — работа в красной зоне для таких людей равносильна игре в русскую рулетку, но с револьвером, в котором оставлен не один патрон, а почти полный барабан. Кто-то остался дома на самоизоляции. Андреа предстояло за несколько дней познакомиться

с новыми сотрудниками, новыми условиями работы и одновременно переоборудовать свое отделение в стационар, где лечат особо опасную инфекцию.

— Что сказать? — обратился он к нам на первом, организационном совещании. — Теперь мы — одна команда. Будем вместе работать, есть, спать. (*Некоторые шутливо переглянулись.*) Я сам еще толком не пойму, что делать. Тридцать лет проработал в сосудистой хирургии, а вот теперь буду вместе с вами заниматься инфекционными болезнями. Не знаю даже — смеяться или плакать.

— Ничего страшного. Раньше я работал в хирургии, в онкологии, в аритмологии, — что ж, придется инфекционными болезнями заниматься, — отозвался Никола Ламберти. Никола — один из ведущих аритмологов нашей клиники, опытный врач. Энергичный, эмоциональный, с прекрасным чувством юмора, — словом, настоящий южанин.

— И у меня опыт пестрый, — сказал я. — Работал несколько лет на скорой помощи, потом — судебно-медицинским экспертом в морге, потом освоил мою теперешнюю специальность рентгенхирурга. Пришло время пополнить коллекцию.

Все засмеялись. И я тоже. Плакал я раньше, когда изучал эти специальности, поначалу переживая не столько взлеты, сколько падения. А в тот момент, на пороге красной зоны, вместив в одно предложение всю мою жизнь, я мог только смеяться. Было, правда, непонятно, почему

смеются молодые коллеги... Видимо, у всех хорошее настроение. Пока...

Мы долго обсуждали нюансы облачения в форму и снятия ее, особенности защитных средств и респираторов. Меня удивляло, с каким вниманием Андреа слушал каждого. Обычно опытные врачи не склонны прислушиваться к тем, кто недавно окончил институт. А он не пропускал ни слова из того, что говорили молодые доктора и медсестры, которые задавали вопрос за вопросом и вносили предложения. После этого мы настроили рации для связи. Потом прошлись по отделению, то есть собственно по будущей красной зоне. Один из наших докторов (тогда я еще не знал его имени) надел всю амуницию целиком и ходил с нами — так сказать, тренировался. Мы обсудили, уже почти без улыбок, где будут находиться шахматы (моя идея), где будем пить кофе, смотреть фильмы (тогда казалось, что хватит времени и сил на развлечения). Всё это продолжалось около сорока минут, после чего мы снова собрались в ординаторской, и Андреа стал рассказывать о клинике и оснащении в целом. Говоря о числе коек, которыми мы располагаем, он деликатно заметил:

— Там, за углом и этажом выше, оставлены три койки, их мы занимать не будем...

Было ясно: эти койки для кого-то из нас. Все мы — по крайней мере я, Сандро, Никола, Валентино и еще один Никола (северянин по фамилии Малатеста) — понимали, что, несмотря на первоклассную систему

защиты, всё-таки добытую директором и шефом, какая-то, и вполне значимая, часть двухсот пятидесяти медиков, начинающих работать в красной зоне, скорее всего заразится. Причем, судя по мировой статистике, самое меньшее пятнадцать из двухсот пятидесяти попадут на искусственную вентиляцию легких... Ну, посмотрим, что будет дальше. Пока я и сам не знаю.

Надо отдать Андреа должное: за пару дней он сделал всё, чтобы объединить сотрудников клиники, ранее не работавших друг с другом, в одну команду. Теперь мы называемся инфекционное отделение № 33. Даже групповую фотографию сделали.

И еще: когда наш коллега снял защитную форму, его лицо нас поразило — красное, потное, с глубокой четкой линией, пропечатанной очками и респиратором. Кошмарное зрелище. Если сорок минут оставили такой след, то что же будет после суток работы по схеме: «четыре часа в зоне, четыре часа отдыха — и так далее» (позже мы перешли на схему 6+6)? Неизгладимые рубцы?! Все поспешили отогнать эту мысль. Во всяком случае я. Может быть, я впечатлительнее других.

5. Зубная фея

За месяц до описанных событий со мной случилось следующее. Как у большинства людей, у меня есть четыре зуба мудрости. Три из них ничем не замечательны. Но четвертый, на нижней челюсти, почему-то устроился горизонтально, корнями вверх. Можно сказать, мудрость моя расположилась вверх тормашками. Надо было удалить зуб, пока он не превратился в небольшой заводик, производящий гной. Я оттягивал этот сладостный миг целых шестнадцать лет. И вдруг, ни с того ни с сего, решился. Записался на прием к моей близкой подруге Марии Чиньо, зубной фее всей нашей семьи. Но сама Мария — не хирург. Она направила меня к хорошему (в чем я смог убедиться скоро) специалисту, который согласился меня оперировать.

Два с лишним часа длились мучения. Не мои, во все нет. Современные анестетики избавляют пациента от болевых ощущений (пока хирург избавляет его от половины челюсти). Мучились моя зубная фея, врач и их доблестная ассистентка. Но всё сделали, и мастерски. Эта оценка опиралась на два критерия: я жив, и челюсть